ФИЛОЛОГИЯ – PHILOLOGY

УДК 811.161.1; 141.33; 82-141
МРНТИ 17.82.31
DOI 10.37238/2960-1371.2960-138X.2026.103(3).5

Берестнев Г.И.

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

E-mail: berest-gen@mail.ru

ОЗАРЕНИЕ РОДИОНА РАСКОЛЬНИКОВА

Аннотация. В статье рассматривается феномен озарения, близкий инсайтам англоязычной традиции. Материал исследования составил роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», в котором обозначился глубинный интерес автора к сфере иррационального знания. Методическую основу исследования составило принятие признаковой матрицы озарений и рассмотрение ее реализации в эволюционирующем сознании Раскольникова в эпилоге романа. Установлено, что актуальными в этих условиях являются практически все признаки озарения (кроме когнитивной направленности). Философское осмысление озарения в эпилоге романа позволяет заключить, что рациональные построения Раскольникова неизбежно оказываются ложными и ведут к бедам, а обретаемые иррациональные знания связываются с любовью и ведут к постижению Истинной Реальности.

Ключевые слова: Достоевский, озарение, инсайт, сатори, признаки озарений, когнитивная лингвистика, рациональное и иррациональное знание, любовь, Истинная Реальность.

Введение

Феномен Ф.М. Достоевского все еще остается до конца не понятым исследователями, и это неудивительно. Психически он принадлежит сразу двум мирам, двум реальностям. Первая – земная, исполненная человеческих слабостей, страданий и страстей, азарта и зависимости от игры, порой финансовой неустроенности, титанического труда (известно, например, что роман «Игрок» был написан Достоевским за двадцать шесть дней!). Но эта реальность доступна рациональному постижению человека, интеллектуально осмысляется им. Вторая реальность – потусторонняя, лежащая за пределами рационального осмысления и открывающая себя лишь в моменты разрыва ментальных связей с этим миром. Для Достоевского это состояние выражалось в приступах эпилепсии. Это заболевание, во многом до сих пор неясное по своей глубинной сути, связывается с гениальностью личности и часто – ее высокими трансперсональными переживаниями. Так, Ван Гог об экстатических состояниях перед приступами в своих письмах пишет, что переживает моменты достижения экстатического бреда и пророчества, в котором он пребывает «как греческий оракул на треножнике…» [1, с. 74]. Более подробно писал о своем состоянии экстаза и Достоевский: «Я почувствовал, что небо сошло на землю и поглотило меня. Я реально постигнул Бога и проникнулся им… Не знаю, длится ли это блаженство

секунды, или часы, или месяцы, но, верьте слову, все радости, которые может дать жизнь, не взял бы я за него!» [2, с. 77][1].

Не будет ошибкой считать, что Достоевский в минуты эпилептических припадков переживал о з а р е н и я, дарующие ему высокие и редкие по силе эмоциональные переживания. И в моменты таких озарений это был уже не обычный земной человек, а пророк, пребывающий в Иной Реальности и соединяющий ее в себе с реальностью земной, рационально постигаемой[2].

Исходя из этого представляется важным рассматривать творчество Ф.М. Достоевского с опорой на феномен озарения. В частности, особый интерес в этой связи вызывает роман «Преступление и наказание». Заявленный подход позволяет ответить на вопрос, переживает ли сам Родион Раскольников озарение? Если да, то какова его специфика? Как связаны философские искания Раскольникова с духовным перерождением в конце романа и имеют ли они отношение к озарению? Все это позволит более глубоко проникнуть в идейную архитектонику романа и понять его глубинную идеологию, жизненно важную для самого Ф.М. Достоевского.

Материалы и методы исследования.

Признаковая матрица озарений. Аналитическое рассмотрение озарений предполагает обращение к характеристикам, составляющих результат их рационального осмысления. Подобные характеристики имеют, тем не менее, глубинный характер, и определяются в отношении базовых аспектов когнитивной деятельности человека. В целом совокупность этих характеристик образует эталонную матрицу, на основе которой может быть определена специфика представления об озарении у того или иного лица или в отношении определенных культурных условий и далее сделаны заключения уже типологического свойства. Так, подобные характеристики позволяют увидеть близость озарений таким феноменам, как «сатори» (просветление) в дзенской традиции, «созерцание» в православии, «чистое созерцание» у Канта, «инасайт» в современной англоязычной традиции.

Подобные характеристики озарений уже находились в поле зрения исследователей [см. 3, 4, с. 17-18]. Интерес к ним поддерживался также убежденностью в том, что они позволяют более глубоко и верно понять феномен получаемого человеком иррационального знания. Однако высказывалось мнение, что в ряду таких признаков особое место занимает также парадоксальность, независимость от

[1] Если говорить о самом заболевании Ф.М. Достоевского, то сомнений в его характере нет. Признаки его эпилепсии довольно подробно описаны самим писателем, его знакомыми, наблюдавшими его врачами. В то же время дискуссия о глубинной природе его эпилепсии все еще не прекращаются. Преобладающее мнение заключается в том, что заболевание писателя было в дополнительном отношении к его гению и нашла свое отражение в его гениальных творениях. Возможна, однако, и другая точка зрения, согласно которой его эпилепсия, рождающая озарения и имеющая во многом уникальный характер, составила условие его гениальности. На это может косвенно указывать тот факт, что специалистами была выделена даже особая форма этого заболевания – «экстатическая эпилепсия» [ср. 6].

[2] Сходную двойственность личности поэта отметил А.С. Пушкин в стихотворении «Поэт». В обычной земной жизни он может быть «всех ничтожней». Но когда на него нисходит озарение, именуемое вдохновением, когда «божественный глагол до слуха чуткого коснется», его душа оживает – обретает свою истинную высокую природу. Мифологическую, а следовательно, глубинную двойственность личности поэта отметил и В.Н. Топоров, называя его сказочным героем и посредником между *прошлым* и *настоящим*, подобным шаману, несущему «на себе печать иного царства…» [7 с. 33].

двухзначной логики и, следовательно, невозможность его адекватного постижения на сознательном уровне [5]. Тем не менее определение отдельных характеристик озарения остается ключевым: их выделение, по сути, составляет единственный способ рационального постижения иррациональных когнитивных процессов.

К числу таких характеристик отнесены:

1. Проблемная обусловленность характеризируется тем, что озарение стимулировано стоящим перед человеком реальным вопросом и в содержательном плане ориентировано на нее. Л. Ф. Компанцева так же пишет о вырастании инсайта из реальной проблемы и приобретении им смысла при условии их ценности в каком-то применении, более значимом, чем собственный [8, с. 321]. Исходя из этого озарение выглядит как отклик Иной Реальности на глубинный (и часто рационально не оформленный) запрос человека относительно чего-то принципиально важного для него.

2. Спонтанность и непроизвольность. Эту характеристику озарения отмечал Д. Андреев, когда писал о внутреннем акте, совершающимся вне воли человека и без его очевидной предшествующей подготовки. Эта характеристика озарений определяется как обязательная [9, с. 324]. Важность непредсказуемости озарения особо отмечали исследователи природы дзенского сатори. Так, Д. Судзуки по этому поводу писал о неожиданности прихода Сатори, когда человек чувствует исчерпывание всех своих внутренних сил [10, с. 164]. Более того, в этих условиях принципиальным оказывается как раз сознательный отказ человека от субъективных волевых установок. По словам Д. Судзуки, дзен без сатори подобен перцу без остроты. В то же время автор предупреждает о чрезмерном увлечении сатори, рекомендуя избегать его «всеми силами» [11, с.165].

3. Кратковременность. О кратковременности озарения говорит уже неуловимость границ между состояниями до него и после. Д. Андреев писал по этому поводу, отмечая и такие его характеристики, как молниеносное «переживание нерасчленимой ни на какие понятия и невыразимой ни в каких словах сути больших исторических феноменов», включающее огромные временные полосы истории [12]. По наблюдению исследователей, существуют озарения, не связанные с проблемой, актуальной для лица. С ними сталкиваются по преимуществу дети. Озарения такого рода не обусловлены предварительной работой детского сознания. Наоборот, с точки зрения А. А. Мелика-Пашаева, озарением приоткрыты и предопределены пути дальнейшей их жизни, о чем они еще не имеют представления, но которые мгновенно становятся желанными [13, с. 36-37: 14, с. 62]. Такого же мнения придерживаются учителя дзен-буддизма, говоря о мгновенности сатори. Так, Д. Судзуки отмечает внезапное наступление сатори как непродолжительного переживания. Автор констатирует, что отсутствие характеристик внезапности и кратковременности говорит и об отстутсвии сатори [15, с. 174].

4. Когнитиивная природа. Озарение по самой своей сути является иррациональным знанием относительно стимульной проблемы, раскрывшимся в глубинных уровнях сознания человека, имеющим безусловный характер, не требующим никакого логического обоснования, рождающимся по иную сторону человеческого разума.

5. Неязыковой характер. Озарение находится вне любых аргументаций логического характера. Тот, кто его испытал не в состоянии объяснить его логически. Вместе с тем он осознает когнитивную природу озарения: оно приносит человеку

знание, которое рождается за пределами человеческого рассудка. Потому это знание не имеет языкового выражения. Оно просто есть для того, кто озарение пережил. Д. Судзуки – один из патриархов дзен – утверждал, что его сатори является самым настоящим знанием, которое не может быть выражено словами [16, с. 170].

6. Позитивная эмоциональность и образность. Конкретно человек в условиях озарения часто переживает состояние переполнения счастьем, удивления в сочетании с чувством полного удовлетворения, гармонии и избавления от бремени проблемы. Причем психоэмоциональное состояние человека отличается предельной интенсивностью, рождая в его сознании неординарные метафоры, определяющие сатори, такие как, например, «цветок ума», «море огня» [17, с. 161]. Также озарение при освещении разрешения важного для человека вопроса дает ему психическцю разгрузку, душевное спокойствие. Д. Судзуки писал об этой особенности сатори как о состоянии, сопровождаемым чувством «совершенного освобождения и полного покоя», при котором человек чувствует достижение долгожданной цели [18, с. 161].

7. Чувство «потустороннего». Мировосприятие человека, пережившего озарение, связано с Иной Реальностью, которая заключено в нем самом и является частью его души, которая в то же время объемлет все бытие. Исходя из этого, озарение раскрывает перед человеком его собственные, личные глубины, и он в то же время постигает Иную Реальность, которой присущи эти глубины.

Говоря о субъективно осмысляемых человеком характеристиках озарения, важно упомянуть, наконец, внешнее условие, в котором оно может родиться. Таковым является глубокое душевное спокойствие, которое открывает эмоциональный фон человека, проявляющееся в повседневной жизни человека относительно близких и понятных ему явлений. Об этом Д. Судзуки писал так:

Не думая ни о чем, я спокойно сидел за столом в своей рабочей комнате,
Мой порывистый разум становился невозмутимым,
Внезапный удар молнии, – и двери разума распахнулись,
И о чудо, – там сидит старик во всем своем домашнем уюте (цит. по: [19, с. 173]).

Глубокий покой, дающий человеку озарение, может проявляться и в отношении открывшихся ему картин природы. Предельная непосредственность их восприятия снимает возможные барьеры, возводимые человеком при их когнитивном освоении, и вплотную приближает его к постижению Реальности, скрывающейся за очевидностью.

С опорой на представленную признаковую матрицу озарений может быть рассмотрена эволюция сознания Родиона Раскольникова на каторге. Таким путем определяется и специфика философских представлений Ф.М. Достоевского об озарении, в котором он видел способ глубокого позитивного преобразования духовной природы человека.

Результаты исследования

Истинная Реальность Раскольникова. Озарение, пережитое Раскольниковым и открывшее ему Истинную Реальность, представлено в эпилоге романа. Внешне оно связалось с открывшейся в душе Раскольникова любовью к Соне – она радикально преобразила бытие обоих. Но внутренне эта любовь Раскольникова обнаруживает религиозные черты. С одной стороны, Соня осмыслилась Раскольниковым как Женское Божество, которому он поклонился под влиянием импульса, идущего из сокровенных глубин его души. И Соня приняла это его поклонение.

С другой стороны, озарение Раскольникова связывалось с христианским мировоззрением. На это указывает тот факт, что это озарение осмыслилось им как «воскресение», подобное новозаветному воскресению Лазаря. Не случайно и то, что он хранил у себя под подушкой Евангелие, из которой Соня читала ему историю о воскресении Лазаря.

Выдвигаемое положение об озарении, пережитом Раскольниковым, подтверждается тем, что тексте романа приводятся все позиции приведенной выше признаковой матрицы озарений. Но их представленность в тексте имеет несколько особенностей.

Прежде всего, все они собраны в эпилоге романа, и этим иконически воспроизводятся важная идейная установка самого Ф.М. Достоевского: обретение Истины через озарение в человеческой жизни составляет ее важный итог. Кроме того, некоторые признаки озарения дублируются в ткани повествования – таким путем подчеркивается их важность в понимании данного феномена. Наконец, признаки озарения в романе неоднородны: с одной стороны, они могут быть объективными, внешними по отношению к главному герою, с другой стороны – внутренними, осмысляемыми психологически. Объективная реальность в этом плане романа становится знаком реальности субъективной, психологической.

Так, обращает на себя внимание центральная проблема романа, которая одновременно оказывается проблемой, жизненно важной для самого Раскольникова. Она определилась на основе созданной им философской концепции относительно существования двух типов людей: обычных, не имеющих воли к сласти, способных только подчиняться и трусливо оберегающих свой жизненный покой («твари дрожащие») и исключительных, возвышающихся над нормами людской морали, способных на великие деяния («право имеющие»). Раскольников убил старуху-процентщицу, чтобы испытать себя и понять, к какому типу людей относится он, и тем самым духовно уничтожил себя самого. Он это скоро сам осознал и впоследствии объяснил Соне: «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку!»).

В этом состоянии безжизненности, бессмысленности существования Раскольников пребывал на каторге. Он не раскаивался в убийстве старухи-процентщицы – он лишь испытывал глубокую разочарованность в самом себе. Бессмысленность существования убила в Раскольникове и ключевое для человеческого бытия сознание будущего, сознание жизненных перспектив. По сути, таким путем подвергалась уничтожению сама личность Раскольникова. Как ни странно, его душу и бытие спасала лишь странная тревога, но и она в будущем грозила превратиться в пустую жертву.

Вместе с тем Ф.М. Достоевский оставляет Раскольникову хрупкую надежду на новую жизнь – она связана с его глубинной способностью видеть Истину и с пониманием ложности идей, наполняющих его сознания. И это – намек на его озарение в будущем. Ср.:

Он… не мог понять, что уж и тогда, когда стоял над рекой, может быть, предчувствовал в себе и в убеждениях своих глубокую ложь. Он не понимал, что это предчувствие могло быть предвестником будущего перелома в жизни его, будущего воскресения его, будущего нового взгляда на жизнь.

Находясь на каторге, Раскольников не думает об озарении и постижении Истины. Отдаленным намеком на возможность этого является также его бред о «моровой язве мира» во время болезни на Святой неделе. В этом бреду Раскольников

видел крушение мира, зараженного микроскопическими существами, которые вселялись в человеческие тела. Мир в глазах Раскольникова гибнет, принимая ложь за Истину! Раскольников понимает это даже в бреду; он различает Истину и ложь, и эта его способность свидетельствует о том, что его душа не погибла окончательно. И возможно, именно она, очистившись в страданиях, сближает его с теми немногими, которым предстоит очистить и землю. Ср.:

Спастись во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видел этих людей, никто не слыхал их слова и голоса.

Герой Достоевского совсем не думал об озарении и после болезни, когда испытывал удивительное чувство близости с реальностью, которая отличалась от реальности привычной. Ср.:

С высокого берега открывалась широкая окрестность. С дальнего другого берега чуть слышно доносилась песня. Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была свобода и жили другие люди, совсем непохожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его. Раскольников сидел, смотрел неподвижно, не отрываясь; мысль его переходила в грезы, в созерцание; он ни о чем не думал, но какая-то тоска волновала его и мучила.

Но это был лишь отблеск Иной Реальности, которая готова была открыться Раскольникову. Но это еще не было самим озарением.

Признак моментальности, характеризующий озарение, имеет в эпилоге романа заметную особенность. Он проявляется в классической реальности как быстрые действия и изменения психических состояний не только самого Раскольникова, но и Сони. Таким путем Ф.М. Достоевский стремился показать, что обоим его героям уже близко темпоральное измерение, отличное от обычного. Эта идея выражается лексически – словами, содержащими в своей семантической структуре признаки «быстрый», «кратковременный», «внезапный» (их инвариантом выступает глубинный признак «мгновенность»). Таковы, в частности, наречия *вдруг* (употребляется автором весьма активно), *мельком*, *быстро*, *поскорее*, глаголы *вздрогнуть*, *пронзить*, *вскочить*, фразеологизм *в тот же миг* и др.

Идея особого темпорального измерения, открывшегося Раскольникову и Соне, выражается в эпилоге романа и описательно. При этом «иное время» имеет для героев психологический характер, его протяженность оценивается субъективно и принадлежит в их сознании области «возможного». Событийная обусловленность времени ими не рассматривается, что выводит представления о нем в ирреальную плоскость [ср. 20, с. 27-33].

Признак сильной позитивной эмоциональности, характерный для озарений вообще, также выражается в эпилоге романа особым образом – на основе принципа градуальности. Сначала Раскольников испытывает по поводу своей жизни на каторге лишь негативные эмоции – страдания и мучения; определяющиеся наряду с ними чувства омерзения, удивления, грусти также стимулируются обстоятельствами негативного характера и принимают на себя их характеристики по метонимическому принципу. Ср.: «Он страдал тоже от мысли: зачем он тогда себя не убил? <…> Он с мучением задавал себе этот вопрос»; «Раскольникова мучило то, что этот бессмысленный бред так грустно и так мучительно отзывался в его воспоминаниях…».

Переход к положительным эмоциям также осуществляется через страдания, но они уже имеют иную природу. Внешне это страдания физические, в то время как внутренне они выдают связь с эмоциями положительными. В том и другом случае сердечная боль составляет признак человечности и нравственного здоровья Раскольникова, его способности переживать в глубине души истинно положительные состояния. На это же указывает неопределенная тоска, переживаемая Раскольниковым при созерцании природных просторов.

И собственно положительные эмоции Раскольникова в его озарении описываются косвенно, через его действия – ср.: «Он плакал и обнимал ее колени»; «Они хотели было говорить, но не могли». Ф.М. Достоевский понимал: эмоции вообще и особенно эмоции, связанные с озарением, имеют позитивный характер и находятся вне языка, не поддаются адекватному языковому выражению.

Описывая озарение Раскольникова, Ф.М. Достоевский не мог не отметить и обновление его душевного состояния. В душе главного героя романа теперь царил покой, который распространился на всех окружающих. И самому Раскольникову это изменение виделось естественным.

Единственный признак пережитого Раскольниковым озарения, прямо не упоминаемый Ф.М. Достоевским, – его когнитивная природа и собственно его иррациональность. Однако имплицитно эта мысль в романе проводится. Раскольников переживает озарение не как обретение особого знания, а как новые для него сильные эмоции, которые на самом деле находятся на границе рационального мышления. Не говорит Ф.М. Достоевский и о необъяснимости получаемого Раскольниковым нового знания. А действительное обретение Раскольниковым истинного знания представлено в романе как бред. Создается впечатление, что сам Ф.М. Достоевский избегал разговора о приходящем в озарении новом знании как реальности.

Заключение

Представленные в статье данные относительно озарения Раскольникова позволяют заключить, что он блуждал в дебрях рационального осмысления действительности, но его озарение открыло ему Истину, лежащую в иррациональной сфере. Это означает, что, по мнению Ф.М. Достоевского, продуктивным для человека является не построение рациональных философских конструкций (они неизбежно окажутся ложными и приведут к страданиям и бедам), а открытие в себе иррациональных эмоциональных состояний, основным из которых является любовь. Именно любовь, а не активная интеллектуальная деятельность ведет человека к озарению.

Соответственно Раскольникова ведет к Истине любовь. Первоначальный толчок на этом пути ему придает любовь Сони, которая преодолевает все сопротивления ложной рациональности Раскольникова и открывает ему врата в Истинную Реальность[3]. Раскольников укрепляется в этой установке, постигая в себе любовь мистическую (открывая в Соне Божественное Женское начало), а затем – Ф.М. Достоевский говорит об этом только намеком – и любовь христианскую. Эта любовь

[3] Исследуя проблему любовных отношений между мужчиной и женщиной, Юлиус Эвола отметил иррациональный характер чувства, аналогичного любви Сони. Он писал: «Конечно, “чистая” любовь может также вывести за пределы индивидуального, например, когда любящий просто жертвует собой ради любимого. Но как склонность духовная, она начинает в этом случае “плодоносность” иначе, на ином уровне: не в особом ощущении, а, так сказать, на реальном изломе бытия» [23, с. 39].

составляет для Раскольникова Истинную Реальность, в которой он и обретает новое бытие.

Важно отметить и то, что рассмотрение идейно насыщенного философского текста с использованием особых категорий – таких как озарение, инсайт – имеет большую теоретическую значимость. Оно позволяет более глубоко проникнуть в познавательные сферы человека и вплотную приблизиться к областям знания, определяемым как иррациональные. Здесь еще многое предстоит объяснить. Но уже сейчас понятно, что эти знания не менее, а скорее даже более важны для человека, чем знания, получаемое на основе сенсорного восприятия. Исходя из этого новый, глубокий смысл обретает программная установка Н.Н. Болдырева, который отметил, что когнитивная наука призвана решить одну глобальную проблему отражения в человеческом сознании его понимания и мировидения [21, с. 23]. Очевидно, что это понимание мира включает и иррациональные знания.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Улитин А.Ю., Василенко А.В., Соколов И.А., Булаева М.А., Колосов С.С., Туранов С.А., Улитин Г.А., Виноградова А.А. Эпилепсия – болезнь гениев? Эпилепсия и пароксизмальные состояния. – 2023. – № 15 (1). – С. 70–84. https://doi.org/10.17749/2077-8333/epi.par.con.2023.145.

[2] Там же.

[3] Компанцева Л.Ф. Славянское озарение и западный инсайт: от религиозного к научному дискурсу // Хрестоматия теолингвистики. Сборник статей. Том 2. ООО "Мастер Студия"; Instytut Slawistyki Uniwersytetu Opolskiego (Polska); ФГБОУ ВО Казанский ГМУ Минздрава России. – Ульяновск, 2019. – С. 316-328.

[4] Берестнев Г.И. Категоризация инсайтов в русской языковой ментальности // Проблемы межрегиональных связей. — Калининград: [б. и.], 2025 - Вып.4(31). – С. 16-21.

[5] Руднев В. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1997. [Электронный ресурс] В. Руднев – URL: https://www.booksite.ru/fulltext/slo/var/cul/tur/rud/nev/rudnev_v/54.htm

[6] Моисеева Н. Ошибка в биографии Ф. М. Достоевского // Вопросы литературы. – 1996 – № 4. – С. 321-332.

[7] Топоров В.Н. Об «эктропическом» пространстве поэзии (поэт и текст в их единстве) // От мифа к литературе. Сборник в честь семидесятилетия Елеазара Моисеевича Мелетинского. – М.: Изд-во «Российский университет», 1993. – С. 25-42.

[8] Компанцева Л.Ф. Славянское озарение и западный инсайт: от религиозного к научному дискурсу // Хрестоматия теолингвистики. Сборник статей. Том 2. ООО "Мастер Студия"; Instytut Slawistyki Uniwersytetu Opolskiego (Polska); ФГБОУ ВО Казанский ГМУ Минздрава – России. Ульяновск, 2019. – С. 316-328.

[9] Там же.

[10] Судзуки Д. Основы дзэн-буддизма // Дзэн-буддизм. – Бишкек: МП Одиссей, 1993. – 459 с.

[11] Там же.

[12] Андреев Д. Роза мира [Электронный ресурс] – URL https://opentextnn.ru/old/man/index.html@id=4140

[13] Мелик-Пашаев А.А. Опыт «озарения» в жизни детей и взрослых // Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт. Сборник научных трудов. Электронное издание. – Москва, 2022. – С. 32-38.

[14] Мелик-Пашаев А.А. Инсайт: загадка или тайна? // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 2. С. 56–67. DOI: 10 .18384/2949-5105-2024-2-56-67

[15] Судзуки Д. Основы дзэн-буддизма // Дзэн-буддизм. – Бишкек: МП Одиссей, 1993. – С. 3 – 459.

[16] Там же

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] Там же.

[20] Берестнев Г.И. Когнитивное освоение времени // Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками: Монография. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – С. 27-33.

[21] Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. – Тамбов: Издат. дом «Державинский», 2021. – 236 с.

REFERENCES

[1] Ulitin A.Ju., Vasilenko A.V., Sokolov I.A., Bulaeva M.A., Kolosov S.S., Turanov S.A., Ulitin G.A., Vinogradova A.A. Jepilepsija – bolezn' geniev? Jepilepsija i paroksizmal'nye sostojanija. – 2023. – № 15 (1). – S. 70–84. https://doi.org/10.17749/2077-8333/epi.par.con.2023.145.

[2] Tam zhe.

[3] Kompanceva L.F. Slavjanskoe ozarenie i zapadnyj insajt: ot religioznogo k nauchnomu diskursu // Hrestomatija teolingvistiki. Sbornik statej. Tom 2. OOO "Master Studija"; Instytut Slawistyki Uniwersytetu Opolskiego (Polska); FGBOU VO Kazanskij GMU Minzdrava Rossii. – Ul'janovsk, 2019. – S. 316-328.

[4] Berestnev G.I. Kategorizacija insajtov v russkoj jazykovoj mental'nosti // Problemy mezhregional'nyh svjazej. — Kaliningrad: [b. i.], 2025 - Vyp.4(31). – S. 16-21.

[5] Rudnev V. Slovar' kul'tury XX veka. – M.: Agraf, 1997. [Jelektronnyj resurs] V. Rudnev – URL: https://www.booksite.ru/fulltext/slo/var/cul/tur/rud/nev/rudnev_v/54.htm

[6] Moiseeva N. Oshibka v biografii F. M. Dostoevskogo // Voprosy literatury. – 1996 – № 4. – С. 321-332.

[7] Toporov V.N. Ob «jektropicheskom» prostranstve pojezii (pojet i tekst v ih edinstve) // Ot mifa k literature. Sbornik v chest' semidesjatiletija Eleazara Moiseevicha Meletinskogo. – M.: Izd-vo «Rossijskij universitet», 1993. – S. 25-42.

[8] Kompanceva L.F. Slavjanskoe ozarenie i zapadnyj insajt: ot religioznogo k nauchnomu diskursu // Hrestomatija teolingvistiki. Sbornik statej. Tom 2. OOO "Master Studija"; Instytut Slawistyki Uniwersytetu Opolskiego (Polska); FGBOU VO Kazanskij GMU Minzdrava – Rossii. Ul'janovsk, 2019. – S. 316-328.

[9] Tam zhe.

[10] Sudzuki D. Osnovy dzjen-buddizma // Dzjen-buddizm. – Bishkek: MP Odissej, 1993. – 459 s.

[11] Tam zhe.

[12] Andreev D. Roza mira [Jelektronnyj resurs] – URL https://opentextnn.ru/old/man/index.html@id=4140

[13] Melik-Pashaev A.A. Opyt «ozarenija» v zhizni detej i vzroslyh // Smysloobrazovanie i ego konteksty: zhizn', struktura, kul'tura, opyt. Sbornik nauchnyh trudov. Jelektronnoe izdanie. – Moskva, 2022. – S. 32-38.

[14] Melik-Pashaev A.A. Insajt: zagadka ili tajna? // Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshhenija. Serija: Psihologicheskie nauki. 2024. № 2. S. 56–67. DOI: 10 .18384/2949-5105-2024-2-56-67

[15] Sudzuki D. Osnovy dzjen-buddizma // Dzjen-buddizm. – Bishkek: MP Odissej, 1993. – S. 3 – 459.

[16] Tam zhe

[17] Tam zhe.

[18] Tam zhe.

[19] Tam zhe.

[20] Berestnev G.I. Kognitivnoe osvoenie vremeni // Rossija: izmenjajushhijsja obraz vremeni skvoz' prizmu jazyka. Reprezentacija koncepta vremeni v russkom jazyke v sopostavlenii s anglijskim i nemeckim jazykami: Monografija. – M.: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2012. – S. 27-33.

[21] Boldyrev N.N. Kognitivnaja semantika. Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku: kurs lekcij. – Tambov: Izdat. dom «Derzhavinskij», 2021. – 236 s.

Берестнев Г. И.

РОДИОН РАСКОЛЬНИКОВТІҢ НҰРЛАНУЫ

Аңдатпа. Мақалада ағылшын тілді дәстүрдегі инсайт ұғымына жақын нұрлану феномені қарастырылады. Зерттеу материалы ретінде Ф. М. Достоевскийдің «Қылмыс пен жаза» романы алынды, онда автордың иррационалды білім саласына деген терең қызығушылығы көрініс тапқан. Зерттеудің әдістемелік негізін нұрлану белгілерінің матрицасын қабылдау және оның роман эпилогындағы Раскольниковтің эволюция үстіндегі санасында жүзеге асуын қарастыру құрады. Осы жағдайда нұрланудың барлық дерлік белгілері (когнитивтік бағыттылықтан басқа) өзекті екені анықталды. Роман эпилогындағы нұрлануды философиялық тұрғыдан пайымдау Раскольниковтің рационалды тұжырымдарының сөзсіз жалған болып шығатынын және қасіретке әкелетінін, ал иррационалды жолмен алынған білімнің махаббатпен байланысып, Шынайы Болмысты тануға жетелейтінін тұжырымдауға мүмкіндік береді.

Кілт сөздер: Достоевский, нұрлану, инсайт, сатори, нұрлану белгілері, когнитивтік лингвистика, рационалды және иррационалды білім, махаббат, Шынайы Болмыс.

Berestnev Gennady

RODION RASKOLNIKOV'S INSIGHT

Annotation. The article examines the phenomenon of epiphany, which is closely related to the concept of insight in the English-language tradition. The research material is F. M. Dostoevsky’s novel Crime and Punishment, which reveals the author’s profound interest in the sphere of irrational knowledge. The methodological basis of the study is the adoption of a matrix of features characteristic of epiphanies and an examination of how these features are manifested in Raskolnikov’s evolving consciousness in the epilogue of the novel. It has been established that, under these conditions, virtually all the features of epiphany (with the exception of cognitive orientation) are relevant. A philosophical interpretation of the epiphany

in the novel's epilogue leads to the conclusion that Raskolnikov's rational constructions inevitably prove false and lead to misfortune, whereas the irrational knowledge he acquires is associated with love and leads to the comprehension of True Reality.

Keywords: Dostoevsky, epiphany, insight, satori, features of epiphanies, cognitive linguistics, rational and irrational knowledge, love, True Reality.